

решимости и оптимизма, и потому нам обычно удавалось найти помощь.

Нас было пятеро: Камилла, которая была и навсегда останется самым близким мне человеком; самая старшая сестра Шерí, рано сбежавшая от материнского гнета замуж; родившийся после меня брат Норман и самая младшая сестренка Рози. Вечно голодные, оборванные и грязные, как бездомные бродяги, мы болтались по пляжам Лонг-Айленда; иногда ускользая к проливу Лонг-Айленд или на берег Атлантики — в этих диких местах на нас никто не смотрел косо. Здесь не имело значения, что на нас надеются или как давно мы не посещали парикмахерскую. Используя пустые ракушки в качестве лопаток, мы строили у воды песчаные замки и чертили на песке наши пять имен: «Шери. Камилла. Регина. Норман. Рози», заключая каждое имя в сердечко. И с визгом носились по пляжу, гоняясь друг за другом, в то время как равнодушные волны с ревом выкатывались на берег, а затем уходили обратно в море, бесследно смывая нашу работу. И мы возвращались к морю и раз за разом создавали новые шедевры.

В то время мы еще не знали, что именно упорство впоследствии станет главным качеством характера, определившим наш будущий успех. Победы не достаются без испытаний, а взросление невозможно без любви.

Я расскажу вам историю: когда-то давным-давно одну девочку воспитали... чужие люди. И эта девочка, став взрослой, решила: ее предназначение состоит в том, чтобы вновь и вновь дарить людям надежду.

ВОТ И ПРИЕХАЛИ

Округ Саффолк, Лонг-Айленд, Нью-Йорк

Лето 1980 года

Мы обитаем где-то посередине между шикарными коттеджами района Хэмптонс (говорят, их обитатели едят кокаин на обед и ужин) и простыми кварталами Нью-Йорк Сити с их плебейскими вечеринками в стиле диско. Приемник в нашей машине включен на полную мощность и изрыгает песни Дево «Подго-ни» и Донны Саммер «Плохие девчонки». В салоне невыносимо воняет бензином.

На Лонг-Айленде плохая система общественного транспорта, так что без машины или хотя бы крепкой обуви далеко не уйдешь. Наши стоптанные ботинки никуда не годятся. А машина так вообще хуже некуда.

Толстая рука моей матери лежит на бортике водительского окна ржавого «Шевроле-Импала», жадно пожирающего бензин: она купила ее на рынке за семьдесят пять долларов. Мама курит сигарету и небрежно стряхивает пепел прямо в жаркое июльское утро, а ветер треплет ее и без того нечесанные волосы. Пепел залетает в мое окно, норвя попасть

в глаза и рот. Я зажмуриваюсь, сжимаю губы, но пожаловаться не смею.

Моя семилетняя сестра Роза, двенадцатилетний брат Норман (на вид ему не дашь больше восьми) и я — Регина Мария Калкатерра тринадцати лет (так я привыкла представляться чужакам вроде социальных работников и полицейских) прижались друг к другу на заднем сиденье. У нашей машины уже давно стерлись шины, разбились зеркала, а из двигателя подтекает масло. Если приподнять коврики под ногами, сквозь дыры в днище можно увидеть разбитый асфальт.

Мы редко выезжаем на основные магистрали, вроде хайвея «Восходящее солнце» или «Лонг-Айленд экспресс-шоссе». Куки (так мы называем нашу маму) считает самым безопасным ездить по живописным объездным дорогам, где проще избежать встречи с копами. У Куки ордеров на арест больше, чем детей. А нас у нее пятеро.

Спросите, за что ордера? С чего же начать... Она разыскивается за вождение в нетрезвом виде, вождение с недействительными правами и на незарегистрированном транспорте, за украденные автомобильные номера, за неуплату коммунальных услуг и аренды жилья, за воровство у работодателей (в тех редких случаях, когда ей удавалось получить место барменши) и за непосещение нами школы. Если бы полиция могла накладывать арест на родителей за отправку детей в школу с полными вшей головами, такой ордер тоже можно было бы прибавить к длинному списку.

В машине мы не разговариваем. Не специально. Просто из-за прогоревшего глушителя расслышать

друг друга сквозь рев «Импалы» невозможно. Замученная тошнотой из-за бензиновой вони, я откидываюсь на сиденье. Сидящая рядом с Куки Камилла делает то же самое, но если наша мама поймет, что нам плохо, к тошноте добавятся еще и жуткие синяки. Радует лишь то, что в салоне относительно просторно. По крайней мере, теперь мы уже не сидим друг на друге, как раньше, потому что с нами нет старшей сестры Шери: в семнадцать лет ей удалось выскочить замуж. Сейчас она живет с мужем и его родителями и ждет ребенка.

Рози, Норман и я сидим сзади и до крови расчесываем худые, искусанные насекомыми ноги, пытаюсь определить, у кого больше укусов и длиннее струпья. Мы по очереди показываем друг другу свои болячки, а Рози считает их, загибая пальцы, в пределах от одного до десяти. Победитель в итоге не обнаруживается, у всех нас сильно зудит кожа, и мы постоянно чешемся.

Никто из нас не пытается докричаться до матери, чтобы выяснить, куда мы едем. Багажник забит мусорными пакетами с нашим нехитрым скарбом. Мы понимаем, что направляемся к новому дому. Наше будущее может принять разные формы: трейлер на парковке у супермаркета, салон старого автомобиля, подвал или чердак дома очередного бойфренда Куки — словом, нашу мать устроит любое укрытие, пусть даже не имеющее ничего общего с жилым помещением. О квартире или доме мы не смеем и мечтать. Мы не ждем многого от жизни. Для нас холодная вода в кране и несколько старых матрасов — уже хорошо. Мы привыкли довольствоваться малым.

Большинство девочек моего возраста боготворят своих шестнадцатилетних сестер, но мы с Камиллой — как два капитана в бурном плавании под названием «семейное выживание». Она — единственный человек, у которого нет от меня тайн, и нас соединяет мистическая сестринская связь. С самого детства мы с ней вместе работаем над обустройством каждого нового жилья, наводим уют, чтобы малыши чувствовали себя как дома, даже если не знаем, надолго ли там задержимся. Нам легче жить, если с наступлением ночи мы сможем поспать в безопасности. Все вместе. Но без Куки. Если получается.

Мы прекращаем переглядываться, когда мама заворачивает на извилистую подъездную дорожку; из-под колес, ворча, разлетается гравий. Перед нами серый, давно заброшенный двухэтажный дом с обшитыми старыми досками стенами. Вокруг ни цветов, ни кустов, совсем никакой зелени — только пыль, грязь и сорняки. Убогий ландшафт. Я невольно взвизгиваю от радости: «Травы нет!»

Рози и Норман улыбаются и в унисон кивают, понимая, что это значит. Не придется по очереди подрезать газон старыми секаторами, ползая по траве на корточках. Нам с Камиллой обычно достается львиная доля стрижки газона — не хочется, чтобы малыши потом мучились от кровотокающих мозолей и боли в запястьях.

Куки выключает зажигание и кашляет сухим, царапающим горло кашлем курильщика. «Вот и приехали, — объявляет она. — А теперь шлюхи и потаскухи распакуют багаж». И, брызжа слюной, хохочет над своей шуткой. Ее смех напоминает то ли рев дикаря,

то ли пулеметную очередь. Как обычно, ей одной кажутся смешными мерзкие прозвища, которыми она награждает своих дочерей.

Сохраняя невозмутимый вид, я вглядываюсь в фасад стоящего передо мной строения. Дом... наш дом. Даже если всего на несколько дней, я чувствую облегчение, что нас, сестер и брата, не разлучат. Отсутствующая изнутри на дверце «Импалы» ручка не дает матери выйти из машины. Куки высовывается из окна, правой рукой пытаюсь приподнять задвижку и помогая себе изнутри левым плечом.

Моя обязанность, особенно когда мать сильно пьяна и не может самостоятельно выбраться, — выскочить первой из авто, потянуть на себя ручку снаружи и выпустить Куки. Обычно это заканчивается тем, что стальная дверь под напором могучего материнского плеча распахивается и я оказываюсь сидящей на земле. На своем тощем заду. Так происходит и сейчас. Конечно, я сразу же вскакиваю — как Надя Команечи на Олимпийских играх в Монреале, зафиксировав ноги и вытянув руки вверх, и смотрю на маленьких судей в машине, оценивающих мое выступление. Как всегда, Розы и Норман хихикают, а Камилла морщится от сострадания, понимая, как мне больно, ведь ее зад такой же тощий, как и мой.

Поскольку в моем прыжке не хватает оригинальности, счет всегда одинаковый. Розы, самая щедрая, показывает десять вытянутых пальцев; Норман, не очень впечатленный, предлагает пять; Камилла поднимает вверх два больших пальца, что, с ее точки зрения, равносильно десяти.

Куки обычно только фыркает в мою сторону, но не в этот раз.

Сегодня она спешит. Мать вылезает из машины, и рессоры, избавившись от ее немалого веса (размер одежды — 18-й, а рост — пять и два фута¹), облегченно расправляются. Мы наблюдаем, как наша мама — толстая, неуклюжая, — шатаясь, обходит машину спереди и направляется к серому дому, зажав под мышкой упаковку из шести бутылок пива «Шлиц». Я отряхиваю шортики и незаметно оглядываюсь: вроде соседей нет, никто не видел моего позора.

Сквозь мокрую от пота футболку Куки просвечивает массивный лифчик, призванный поддержать ее огромный бюст, который, кажется, вот-вот выпадет наружу. Внешность матери вызывает у меня желание прикрыть глаза малышам. Правда, теперь их уже не шокирует ее непристойный вид — Норман и Роза трясутся от беззвучного смеха. Образ Куки завершает пара старых джинсов, обрезанных почти по попу; штанам этим следовало бы быть на шесть дюймов длиннее и шире в бедрах. Поднявшись на крыльцо, она всматривается в окно дома и толкает дверь, которая оказывается не запертой. Затем поворачивается и машет нам рукой: «Живей вы там!» Это сигнал как можно быстрее начать распаковывать багаж.

Пока наши младшие еще сидят в машине, Камилла тянется со своего места к рулю и аккуратно вынимает ключи, которые Куки оставила в зажигании. Сестра смотрит на меня, и мы обе понимаем значимость

---

¹ В переводе на российские мерки, одежда 52-го размера и рост чуть более полутора метров.

этого жеста. Как обычно, Куки не собирается долго торчать в новом доме.

Мы тут же начинаем действовать. Чем быстрее мы распакуем вещи, тем раньше мама отправится в очередной длительный загул. Мыдвигаемся в скоростном режиме, убеждая Куки, что хотим лишь побыстрее обустроить наше жилище. Она бы избила нас до бесчувствия, если бы узнала наш истинный мотив — поскорее избавиться от нее.

Сквозь заднее окно машины я смотрю на Нормана, который уже привык к моей хореографии в День переезда. «Следи за сестрой», — на ходу бросаю я ему. Норман помогает Розе выбраться из машины; его каштановые волосы, стриженные под горшок, растрепаны, лицо спокойно. Мы с Камиллой вместе воспитываем нашего любопытного, беззаботного двенадцатилетнего мальчика, но не всегда удается все сделать хорошо. Его чуть раскосые карие глаза едва видны из-под рваной челки, и я мысленно даю обещание: «В следующий раз найду ножницы поострее и подстригу тебя как следует». Мой первый ребенок был всего лишь на полтора года младше меня, но я старалась делать для него все, что могла и умела.

Норман шаркает к дому по дорожке и тянет за руку Розы, все еще одетую в розовую пижаму. Я отвлекаюсь от своих дел и провожаю их взглядом; моя сестренка — маленькая радость, весело скачущая босиком среди серых декораций. Ее невинность пронзает мне сердце.

Удостоверившись, что дети в доме, Камилла открывает багажник, передает ключи мне, и я снова вставляю их в зажигание. Мы стараемся не делать ничего,

что могло бы задержать нашу маму здесь дольше необходимого. Сейчас она, скорей всего, уже открыла пиво: одной бутылки обычно достаточно, чтобы она не смогла вспомнить, куда положила ключи.

Багажник машины забит зелеными мусорными пакетами с вещами, которые были упакованы мной, Камиллой и малышами. В одном из мешков наша одежда, в другом — туалетные принадлежности (полкуска мыла, старая зубная щетка, которой мы пользуемся по очереди, бутылка с перекисью водорода и тупая, ржавая бритва), третий заполнен старыми полотенцами, а четвертый — едой, которую мы забрали из предыдущего места обитания. При переезде мы придерживаемся правила: каждый распаковывает тот мешок, который взял из машины. Это правило позволяет нам не спорить, кто распаковывает вещи Куки. Сейчас я, по-видимому, несу мешок с продуктами длительного хранения, которые мы всегда забираем с собой: уксус, горчицу, кетчуп, кофе, муку, сахар, порошковое молоко. От мешка в другой стороне багажника разит затхлым запахом сигарет. Этот мешок достался Камилле, и она безнадежно поеживается, зажимая нос. «Чур, мое, — говорю я ей, указывая на свой мешок. — Я сегодня дежурю по кухне, а ты по Куки. Радуйся, что она любит тебя больше».

Мы знаем, что Куки предпочитает мне старших сестер. Поскольку отцы у всех разные, наши фамилии отличаются, как и наши имена. Шери в этом смысле самая удачливая. Она получила имя по песне «Шерри» из фильма «Четыре сезона»; в 1962 году, когда она родилась, эта песня была на первом месте в списке хитов. Но Куки решила оставить французский

вариант имени «Шерí» как более изысканное, по ее мнению. Второй дочери она дала свое имя — Камилла. Региной она назвала меня потому, что это имя означает «королевский». «И я была права, — твердит она, похохатывая. — Потому что ты реально королевская боль у меня в заднице». Норман был назван по своему отцу, а Розанна — по прабабушке, которую звали Розалия Куна Гунда Маскевиц; никто из нас ее ни разу не видел.

Мы с Камиллой волоком тащим мешки в дом.

— Ого, — говорит сестра. — Здесь даже мебель есть.

Рози забралась с ногами на диван возле эркерного окна и улеглась на нем, подражая Куки, развалившейся на другом диване в противоположном конце комнаты.

— Даже телевизор есть! — восклицает сестренка, показывая в угол.

— Ух ты! — отвечаю я, садясь рядом и накручивая ее хвостик на палец. — Ты что, уже включала его?

— Да, он работает!

Я улыбаюсь и украдкой бросаю взгляд на Куки. Она явно довольна собой, курит сигарету, положив руку себе на живот. Просто мать года.

— Моя комната рядом с кухней, — объявляет она, ни к кому конкретно не обращаясь, затем машет сигаретой в сторону лестницы позади нее: — Вы, дети, можете подраться за каморки наверху.

На верхнем этаже три комнаты. В той, что слева от меня, есть диван и старый деревянный письменный стол. Ни у одного из ящиков стола нет ручек, вместо

отломанной ножки подставлена ручка от швабры. В соседней с ней комнате два окна — они выходят на боковой двор и ту часть дома, которую Куки выбрала для себя. На полу лежат матрас и пружинный блок, правда без каркаса. Пойдет, решаю я, здесь смогут спать Норман и Рози. Одному — матрас, а другому — пружинный блок. Вроде двух отдельных кроватей.

Хотя нет ни одеял, ни подушек, но все же это лучше, чем спать втроем в машине на заднем сиденье или в открытом багажнике, как бывало раньше. Я заглядываю в узкую, с одним окном комнату справа от меня: ого, настоящая металлическая кровать с матрасом! Еще и полка для одежды... Это будет спальня Камиллы. Она самая старшая из нас и заслуживает настоящую кровать.

Себе я выбираю комнату с диваном, кладу свой пакет на пол и достаю из него пластмассовые статуэтки Иисуса. Это знак малышам, что помещение мое.

Я возвращаюсь к двери и натываюсь на Нормана, затормозившего у спальни Камиллы. Он смотрит в окно на серый, покрытый гравием двор.

— Тебе нравится здесь? — спрашиваю я его.

— Нравится? Это просто мечта! Мне можно занять эту комнату?

— Нет. Это для Камиллы. Вы с Рози поделите комнату в том конце коридора.

Он бежит туда, заглядывает внутрь, дарит мне улыбку и мчится вниз.

— Я обустрою вам спальня места попозже, когда Куки уедет, — кричу ему вслед. — Поиграйте с Рози, а мы займемся уборкой.

Камиллу я нахожу возле машины, она вытаскивает из багажника вещи Нормана и Розы.

— Куки у себя в спальне, — бормочу я.

— Поскорее бы она уехала!

— Уверена, так и будет. Норман разложил «Трабл» на полу перед дверью в ее комнату.

— Гениально! — Скачущий по доске игровой кубик и детский смех быстро подстегнут мать к отъезду.

Во время уборки на первом этаже меня посещает мысль о том, что уже вторая половина дня, а Розы все еще в пижаме. Пока они с Норманом играют на полу, я подкрадываюсь к ней, опускаюсь рядом на колени и убираю с ее влажного лба пряди светлых волос.

— *Mia bambina amore*². Мы переоденем тебя, как она уедет, — шепчу я своей малышке.

Она прикладывает головку к моей руке — в знак благодарности за мою заботу. В течение нескольких лет мы до совершенства отточили знаки бессловесной коммуникации, чтобы выражать друг другу свои чувства, не привлекая внимания матери; мы видели нечто подобное у детенышей львов в «Царстве диких зверей». Чем меньше мы говорим, тем меньше вероятность того, что наша мама впадет в ярость по неизвестной нам причине.

Мы с Камиллой отправляемся убираться на первом этаже, где будем проводить большую часть времени, но самое главное — потому что сейчас там отдыхает мать. И чем быстрее мы начнем мыть полы и вытирать пыль рядом с ней, тем скорее она уедет.

---

² Моя любимая малышка (*ит.*).

Я принимаюсь за кухню, начиная от стены, граничащей с комнатой Куки, а Камилла — за гостиную.

— Пс-ст, — шипит мне сестра с другой стороны дома. Я высовываюсь из кухни и встречаюсь с ней взглядом. — Поможешь мне с ее комнатой?

Я киваю и молча, двигая одними губами, произношу: «После того, как она свалит».

Белый пластиковый стол стоит у окна, из которого открывается вид на пыльный задний двор, окруженный забором-сеткой. В раковине осталась грязная посуда от предыдущих жильцов, я с раздражением принимаюсь ее мыть.

— Что-то случилось? — спрашивает Камилла, услышав звон посуды.

Рози поворачивает головку в сторону кухни.

— Ничего. Камилла, можешь мне загрузить холодильник?

Этот способ борьбы с тараканами мы придумали много лет назад. Если в доме имеется работающий холодильник с закрывающейся дверцей, то любая еда отправляется туда на хранение, независимо от того, нуждается она в заморозке или нет.

Я привыкла к виду муравьев, мышей и мокриц, они в страхе разбегаются, когда чувствуют мое присутствие. Но тараканы! Отвращение у меня вызывают не столько их тонкие лапки и длинные усики, сколько то, что они собираются в полчища в темноте и, подобно мародерам, нападают на нашу еду. Мелкие гады, творящие злые дела под покровом ночи.

Я вхожу в гостиную, и как раз в этот момент Куки выплывает из спальни. На ней обтягивающие

джинсы, босоножки на массивных каблуках и мужская майка. Вместо душа Куки предпочитает маскировать исходящий от нее аромат сигарет и алкоголя токсичной смесью парфюма «Жонтю» и «Жан Натэ». Мать проходит по комнате, а я быстро в уме подсчитываю стоимость ее комплекта: джинсы равняются по цене количеству топлива для водогрея, которого нам хватило бы на месяц, обувь — восьми буханкам хлеба, четырем упаковкам спагетти, трем пакетам пшеничной крупы и трем пачкам сухого молока. Стоимость духов «Жонтю» и «Жан Натэ» почти равняется залогу, под который нас с Камиллой выпустили из следственного изолятора после того, как Куки приказала нам украсть парфюм из магазина фиксированных цен.

Куки взбивает волосы и самодовольно причмокивает губами, напоминая, что мы должны быть благодарны судьбе за такую маму, ведь именно она смогла нам найти этот чудный дом.

— Пойду поищу шерсть собаки, которая меня укусила³. А вы покормите малышей.

— Мы и так всегда их кормим, — боромочет Камилла.

— Что?

Камилла поднимает на нее глаза.

— Покормим.

— Норман, ты — главный мужчина в доме.

---

³ Выражение восходит к Средним векам. В то время люди считали, что в рану от укуса собаки надо положить клочок шерсти этой собаки. То есть подобное лечится подобным. Куки ищет алкоголь, чтобы похмелиться.

В ответ на ее слова Норман поднимается с пола и следует за ней к выходу. Розы, Камилла и я присоединяемся к нему на крыльце и видим, как машина проседает под весом Куки.

— Когда она вернется? — спрашивает Норман.

Розы берет его за руку:

— Не раньше, чем мы закончим нашу игру!

Как только дверца машины захлопывается, младшие бросаются в дом. Мы с Камиллой провожаем их взглядом, а обернувшись, видим лишь исчезающее вдали облако пыли и слышим затихающий рев мотора.

Ну, все. Она уехала. Теперь можно жить.